

Джеймс Хэдли
Чейз

ВОТ ВАМ ВЕНОК,
ЛЕДИ

Джеймс Чейз

Вот вам венок, леди

«Азбука-Аттикус»

1940

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Вот вам венок, леди / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус», 1940

ISBN 978-5-389-18828-0

На счету у Рене Реймонда, известного во всем мире как Джеймс Хэдли Чейз, английского писателя и классика детективного жанра, несколько десятков произведений, больше половины из которых было экранизировано. Роман «Вот вам венок, леди» создан на заре литературной деятельности. Действие разворачивается в небольшом американском городке. Шантаж и похищения, стрельба и драки, наемные убийцы и таинственные красотки, немного «нуара» и немного юмора – поклонники «крутого детектива» не будут разочарованы.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18828-0

© Чейз Д. Х., 1940
© Азбука-Аттикус, 1940

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	26
Глава шестая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Джеймс Хэдли Чейз Вот вам венок, леди

James Hadley Chase

LADY, HERE'S YOUR WREATH

Copyright © Hervey Raymond, 1940

All rights reserved

Серия «Звезды классического детектива»

Перевод с английского Игоря Куберского

Серийное оформление и оформление обложки Валерия Гореликова

© И. Ю. Куберский, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Глава первая

Парни, собравшиеся посмотреть, как умрет Весси, сгрудились у стойки бара. Они делали вид, что им все напочем, но им явно было не по себе.

Я вошел в бар как раз в тот момент, когда спиртное уже ударило им в голову. Увидев меня, они подняли возмущенный ор.

— Боже ты мой, вы только гляньте, кто к нам пожаловал, — крикнул Барри, — мистер Злоба дня.

Барри Хьюсон был неплохим парнем, но в мозгах у него царил кавардак. Я заказал виски и улыбнулся.

— Привет, ребята, — сказал я, помахав им рукой. — Держу pari, что у кого-то сегодня испортится настроение.

Их не устроила такая шутка, и они угрюмо меня окружили. Хьюсон ткнул меня в грудь указательным пальцем. Просто обожаю, когда меня тычут в грудь. Барри был пьяный, и я решил с ним не связываться.

— Послушай, приятель, — сказал он, прищурившись, чтобы получше меня разглядеть, — на такое дело только по приглашению. Ты тут в пролете. Будь паинькой и проваливай.

Я проглотил виски и показал ему свою пресс-карту.

— Ребята, вы там не единственные, — сказал я. — Куда вы, туда и я.

Хакеншмидт из «Глобуса» сдвинул свою шляпу на затылок.

— Как это ты всегда в выигрыше? — спросил он, его жирное лицо блестело как масленый блин. — Тебя тут вроде не стояло, а ты первый на раздаче.

Я кивнул:

— Знаю, это непросто, но так получается… Лучше рано, чем поздно, как сказала стюардесса одному пассажиру.

Хьюсон наполнил свой стакан и посмотрел на часы.

— Крайний срок — двенадцать ноль одна, — сказал он.

Хакеншмидт схватил пригоршню соломинок для питья и разделил их на два пучка; отложив один в сторону, он тщательно пересчитал оставшиеся соломинки. Я внимательно наблюдал за ним.

— Ты меня не учел, — заметил я, когда он закончил счет.

Этот тип приподнял свою толстую губу. Так он изображал насмешку.

— Неужели? — сказал он. — Думаю, ты тут ни при чем.

Я наклонился к стойке, выбрал одну соломинку и протянул ему:

— Положи ее в пучок и не дури.

Он посмотрел на меня, а я на него. Затем он взял у меня соломинку. Некоторые из этих сопляков думают, что они крутые парни. Но Хакеншмидт был просто придурком.

Одна из соломинок была намного короче остальных. Тот, кто вытянет короткую, услышит последние слова Весси. Я очень хотел, чтобы этот шанс выпал мне.

Хьюсон тянул первым, но короткая соломинка ему не досталась. Я пропустил перед собой еще троих, потом аккуратно протиснулся вперед, и все расступились. Я знал, какая из соломинок короткая, так что ее и заполучил.

Остальные стояли вокруг, пялясь на меня.

— Твой первый ход, — произнес Хьюсон. — Только не вздумай нарушить правила.

Я отбросил соломинку.

— Ты свое получишь, — сказал я. — Не волнуйся.

На часах было 11:20. Самое время опрокинуть еще пару стаканчиков. Эти парни глушили виски так, будто ожидали собственной смерти.

Выйдя на улицу, мы погрузились в три автомобиля, которые должны были отвезти нас к тюрьме. Хьюсон, Хакеншмидт и я с двумя другими парнями забрались в первую машину. Хьюсон сел за руль, а я занял место рядом с ним.

Когда автомобиль тронулся, Хьюсон спросил:

– С чего бы у тебя такой интерес, Ник?

Я усмехнулся. Хьюсон был стреляный воробей, но от меня он ничего не добьется.

– А почему бы и нет? – сказал я. – Весси поднял большой хай, разве не так? Я подумал – посмотрю, как его отправят на тот свет. В любом случае эти газовые штучки-дрючки для меня в новинку.

– Тебе что, этого не хватает? – спросил Хьюсон, обогнав тяжело груженый фургон.

Я пожал плечами:

– Вроде как.

– Думаешь, это сделал Весси?

Я снова усмехнулся:

– А ты думаешь – нет?

Хьюсон тихо ругнулся:

– Слушай, ты, задница, если за этим что-то стоит, то поделись. Я кое-что сделал для тебя и полагаю...

– Брось ты! – коротко сказал я. – Откуда мне знать, он или не он? Присяжные повесили на него, верно?

– Меня не интересует мнение присяжных. Я спрашиваю, что ты об этом думаешь.

– Я никогда не думаю, коллега, – поспешил я ответить. – Просто жду, когда что-нибудь произойдет.

Хьюсон хмыкнул.

– Ладно, умник, – сказал он. – Жди у моря погоды.

Мы добрались до тюрьмы в 11:40. Когда мы подъехали, за воротами нас ждали еще несколько наблюдателей. В тусклом свете все они выглядели напряженными и слегка потеснились, когда мы вывалились из машин. Так мы и стояли там кучкой, делая вид, что не знаем, зачем мы здесь, пока в 11:45 не открылись ворота.

Два надзирателя проверили нашу аккредитацию и быстро нас обыскали. После казни Снайдер¹ власти до смерти боялись, что кто-нибудь протащит сюда фотокамеру. Парни знали, что это бесполезно, и полицейские знали, что те это знают, так что шмон был просто для проформы. Затем мы двинулись через лабиринт ворот, которые запирались за нами еще до того, как мы проходили в следующие.

Мы шли гуськом и, полагаю, выглядели как славная компания профессиональных пла-кальщиков. Мы миновали большие тюремные корпуса, и наши шаги гулко повторяло эхо. В камерах было темно и тихо. Здание, где исполнялись смертные приговоры, находилось в дальнем углу огромного тюремного двора.

Мы обошли катафалк, припаркованный перед ним. Некоторые из нас просто мельком глянули на этот фургон и поджали хвосты.

В «доме смерти» было два входа. Один вел в узкий проход между «камерой смерти» и наружной стеной здания. Другой – в маленькую камеру, где находился Весси, в нескольких футах от входной двери.

¹ Рут Браун Снайдер (1895–1928) была казнена на электрическом стуле в тюрьме Синг-Синг за убийство своего мужа, Альберта Снайдера. Репортер «Нью-Йорк дейли ньюс» Том Ховард тайно сделал фотографию этой казни, и снимок появился во всех газетах. Это была первая фотография, на которой запечатлена казнь на электрическом стуле.

Рядом с этим строением не было никаких других зданий. Оно единственное занимало угол двора, где заключенные играли в мяч. Когда мы шли по двору, на наши ботинки осела пыль, и мы внесли ее в помещение, где исполнялись смертные приговоры.

Охранник остановился у входа:

– Кто тут из вас на «последнее слово»?

Я вышел из цепочки и указал на себя большим пальцем.

– О'кей, – сказал он. – Подождите здесь.

Остальные прошли по коридору и сгрудились перед стеклянными окнами газовой камеры. Хьюсон был последним, кто занял свое место. Проходя мимо, он сказал мне:

– Осторожней там, приятель.

Я был удивлен тем, что улыбка далась мне с трудом. Это мероприятие заставляло меня немного нервничать.

Газовая камера восьмиугольной формы была сделана из стали, с окнами со всех сторон. Узкий проход, по которому проследовали дальше все остальные, был устроен так, что между наружной стеной и камерой оставалось четыре фута пустого пространства. Из газовой камеры вверх тянулась очень высокая стальная труба, через которую выводился наружу газ по окончании казни.

На моей стороне места было немного больше. Я заглянул в камеру. Она была около пяти футов шириной и пуста, если не считать стального стула в центре, с ремнями. Под стулом были подвешены капсулы с цианидом. Мне не понравилась камера. У меня даже мурашки побежали по спине, когда я представил, что сижу там.

С того места, где я стоял, сквозь стекло камеры я мог видеть парней на противоположной стороне, смотрящих на меня в свое окно. Они помахали мне, и я изобразил, что опрокидываю в себя две порции вискиаря. Эти парни выглядели в точности как кучка обезьян, собравшихся за стеклом.

Я приехал ради того, чтобы встретиться с Весси, поэтому решил, что могу взглянуть на него. Он сидел в своей камере и курил сигарету. На нем не было никакой одежды, кроме трусов.

Я посмотрел на охранника:

– Какой смысл в таком его виде?

Охранник заглянул в камеру:

– Мы всегда раздеваем их, насколько возможно. Газ пропитывает одежду, и потом ее трудно снять.

– Когда туда посадят даму, будет большой ажиотаж из-за пропусков, – сказал я.

Охранник поморщился. Наверное, он чувствовал себя не очень здорово.

– Да, – сказал он, – но тогда вас, зевак, сюда и близко не подпустят.

Весси был крупным парнем с угрюмым, тяжелым лицом. На мой взгляд, он довольно спокойно относился к тому, что его ожидало. Его глаза остекленели, и он был мрачен, но в нем не замечалось никакой паники.

Капеллан, беспокойный толстый коротышка, опустив голову, сидел рядом с ним на стуле и читал молитву. Весси то и дело поглядывал на него и облизывал губы. Я видел, что ему хотелось, чтобы капеллан прекратил молиться.

Я почувствовал, как меня внезапно охватила дрожь, будто стало холодно. Но это было не так. Я, наоборот, вспотел. По коридору быстро прошел начальник тюрьмы. Его лицо было зеленовато-бледным, и он не смотрел на меня.

Он просто сказал «о'кей» охраннику.

Они отперли дверь в маленькую камеру. Лицо Весси напряглось, и он посмотрел на меня поверх охранников. Меня не вдохновляло встречаться взглядом с этим парнем, но я подумал, что, может быть, мне лучше немного подбодрить его. Я подмигнул ему. Наверно, ничего хуже придумать я не мог, но мне просто хотелось выразить ему свое сочувствие.

Охранник похлопал его по плечу, и Весси встал. На ногах он стоял более твердо, чем я. Капеллан продолжал бубнить свое. Но похоже, от этих молитв толку было мало.

Весси вышел из камеры. На нем были наручники, и он продолжал вращать кистями рук, так что браслеты позвякивали.

Начальник тюрьмы мрачно зачитал смертный приговор, и голос его звучал как-то странно. Я видел, что у него за ухом стекает струйка пота. Закончив, он сказал:

– Последнее слово будет?

Именно этого я и ждал. Я подался вперед, чтобы быть ближе к Весси. Краем глаза я видел, как остальные прижались к стеклу, следя за происходящим и пристально наблюдая за мной. Весси в упор посмотрел на меня.

– Вы взяли не того парня, – сказал он не совсем ровным голосом. – Я этого не делал.

Охранники сомкнулись вокруг него, но Весси внезапно напрягся. Он продолжал смотреть на меня.

– Раскрой это дело, Мейсон, – пробормотал он. – Тут замешан Лу Спенсер. Ты должен взять его, это был Лу, слышишь?

Стражники засуетились и втолкнули его в газовую камеру. Я сделал запись, чтобы порадовать парней, но последние слова Весси я опустил.

Весси усадили на стальной стул с гранулами под ним. Затянули ремни. Пока все это продолжалось – не больше сорока пяти секунд, – он не сводил с меня глаз. Я кивнул ему, давая понять, что займусь этим. Он увидел, что я не оставил его слова без внимания, и облегченно вздохнул.

Охранник притащил керамическую посудину с серной кислотой и поставил ее под стул – прямо под гранулы. Затем он быстро вышел. Начальник тюрьмы осмотрел ремни – один на груди Весси, по два на каждой руке и по одному на каждой ноге. Потом положил руку на плечо Весси.

– Ты уйдешь быстро, мальчик, – сказал он. – Сделай глубокий вдох, ты ничего не почувствуешь.

Затем он вышел из камеры.

Весси остался один.

Охранник захлопнул тяжелую стальную дверь и задвинул засовы. Мы с начальником тюрьмы стояли и смотрели в газовую камеру через маленько окно у двери. Десять секунд ожидания, и эти десять секунд показались мне десятью годами. Я почувствовал, как колотится сердце.

Весси медленно повернул голову, оглядев лица, наблюдавшие за ним. Он начал осознавать, что его ждет.

Начальник тюрьмы смотрел на часы. Он протянул руку и положил ее на рычаг, который опускал гранулы в кислоту. Было заметно, каких усилий ему стоило потянуть этот рычаг, – какое счастье, что это должен был сделать он, а не я. Я больше не мог смотреть на Весси. Оказалось, что я не свожу взгляда с руки начальника тюрьмы. Я видел, как постепенно напрягаются его мышцы. Затем, с легким присвистом выдохнув сквозь стиснутые зубы, он дернул рычаг вниз. Отчетливый шлепок означал, что гранулы упали в посудину. При этом звуке Весси замер на стуле. Из кислоты начал струиться вверх белый газ. Весси натянул ремни, и мышцы на его руках внезапно вздулись.

Газ быстро поднимался. Мне показалось, что я чувствую вкус горького миндаля, – но я знал, что это безумие. Мое воображение было сильнее доводов разума.

Весси почувствовал этот газ. Он откинулся назад и замотал ею, пытаясь увернуться от испарений. Стальной стул ограничивал его движения. Я видел, как он старался не дышать. Этот парень делал себе только хуже. Наконец он не смог больше удерживаться и вдохнул. И в тот же момент получил большую дозу газа.

Он вдруг закричал:

– Нет! Нет!

Его крик разнесся по камере и дошел до нас, приглушенный и жуткий.

Я поймал себя на том, что вцепился в стальной засов двери. Мне стало тошно.

Весси задыхался, глотал ртом воздух и рвался из оков. Мне хотелось вытащить пистолет и поскорее его прикончить.

Доктор, стоявший рядом со мной, одним глазом следил за секундомером. Тридцать секунд, тридцать пять – Весси продолжал биться. Сорок пять секунд – и его голова откинулась назад. Доктор нацарапал время на чистом листе бумаги, который держал перед собой. Весси, казалось, потерял сознание.

Его голова была запрокинута, и он перестал кашлять. Испарения наполнили камеру. Очень медленно его голова стала клониться вперед. Постепенно она опустилась на грудь, длинные черные волосы, упав на глаза, закрыли лицо. Я видел, что мышцы его живота все еще сокращаются. Прошло уже три минуты. Голова его шевельнулась и чуть приподнялась.

– Он мертв, – сказал доктор тихим усталым голосом.

Я отошел от окна. С противоположной стороны газовой камеры, сопровождаемый всеми, кто там был, выскочил Хьюсон. Все с вытаращенными глазами, и всем явно было нехорошо. Я и сам чувствовал то же самое. Чтобы умереть, Весси потребовалось больше четырех минут.

– Что он сказал? – спросил Хьюсон.

Я покачал плечами:

– Он сказал: «Вы взяли не того парня, я этого не делал».

– Вот как? – усмехнулся Хакеншмидт. – Так же он тявкал и во время суда.

Хьюсон с недоверием смотрел на меня.

– Он сказал что-нибудь еще?

Я покачал головой:

– Нет... только это.

Журналисты бросились к выходу. Тут же началась схватка за телефоны и телеграф. Я пропустил всех вперед.

Начальник тюрьмы коснулся моей руки.

– Я бы не стал придавать большого значения словам о Спенсере, – сказал он как можно небрежней.

Я остановился и посмотрел на него, но лицо его было непроницаемым.

– У вас ведь иное мнение? – с надеждой спросил я.

Он покачал головой:

– Мне лучше забыть об этом.

Я слегка надвинул шляпу на глаза:

– Вы слышали анекдот про парня с деревянной ногой, который играл в пинг-понг?

Начальник тюрьмы кивнул.

– Да, – сказал он, – приходилось.

Я направился к выходу.

– Считаю, что это, видимо, тот самый случай, – сказал я и вышел.

Глава вторая

Я отправился в пресс-центр Главного управления полиции. Там был один парень, с которым мне хотелось поговорить, и я надеялся, что он окажется на месте. Так оно и случилось.

Я толчком открыл дверь и мельком оглядел прокуренное помещение. Четверо из обычных завсегдатаев за маленьким столом в центре играли в карты. В углу на потрепанной кушетке спал Экки.

Никого уродливей, чем Экки, мне еще видеть не доводилось. Он был коротышкой; жесткие волосы торчали у него из ушей, из носа, а также из-под воротника. Его лицо, должно быть, вызвало у акушерки ужас, когда он родился, но я знал, что он был здесь одним из самых толковых журналистов.

Я подошел к нему и придвинул стул. Затем потормошил его, чтобы разбудить.

Он сел и сердито вытаращился на меня.

– Дорогой мой, – сказал он, – можно, я немножко посплю?

– Забудь об этом, Мо, – ответил я. – Сиди, я хочу с тобой поговорить.

Экки с силой потер лицо рукой, поворачивая свой резиновый нос под самыми неожиданными углами.

Я достал пачку «Кэмел», дал ему сигарету и закурил сам.

– В чем дело, бродяга? – спросил он. – Держу pari, ты снова хочешь поковыряться в моих мозгах.

Я отрицательно покачал головой.

– У тебя нет мозгов, – сказал я. – Тебе просто кажется, что они у тебя есть.

Экки закрыл глаза.

– Сегодня ночью они разделались с Бесси, – произнес он.

– Да? – удивленно сказал я.

– Почему это тебя так напрягло? – поинтересовался он, не открывая глаз.

– С чего ты, черт возьми, решил, что меня это напрягло? – спросил я.

Когда Экки улыбался, он выглядел ужасно. Я отвел взгляд.

– Как будто я не слышу, – ответил он. – Почему это тебя так напрягло?

– Послушай, Мо, – терпеливо сказал я, – я пришел спросить тебя кое о чем, а не отвечать на твои вопросы.

Он поднял одно прикрытое веко и прищурился.

– Что случилось, коллега? Что-то не так?

Все эти жадные до новостей стервятники были одинаковы. Я глубоко затянулся и задержал дым на секунду, а потом выпустил его из ноздрей.

– Не думаю, что это сделал Бесси, – сказал я, понизив голос.

Экки тяжело вздохнул и закрыл глаз.

– Теперь он мертв, верно?

– Этот парень, Ричмонд, – проговорил я, подбирая слова, – полагаю, у него было больше врагов, не один лишь Бесси?

– Да, у него было больше врагов, чем у большинства парней. Ричмонд был сволочью. Он получил поделом.

– Там была женщина, причастная к убийству, верно? Ее так и не нашли.

Экки пожал плечами.

– Там были сотни женщин, – равнодушно сказал он. – У этого парня в башке только женщины и были.

– Кто она? – тихо спросил я.

Экки поднял голову.

– Поздно спохватился, – заметил он. – Ричмонд мертв, и Весси мертв; оба эти парня были крысами. Все кончено… забудь об этом.

– Почему, черт возьми, все хотят замять это дело?

Экки усмехнулся:

– Неужели?

– А теперь послушай, Мо, – сказал я. – Есть кое-что, что ты знаешь, и кое-что, что знаю я. Что, если мы заскочим ко мне и потолкуем?

Экки покачал головой.

– Как только ты выйдешь отсюда, я сразу же усну, – твердо заявил он.

Я пожал плечами:

– Нас там ждет целая бутылка вискаря.

Экки поспешил встать:

– Что же ты сразу об этом не сказал? Где, черт возьми, моя шляпа?

По дороге ко мне Экки болтал о бейсболе. Он мало что понимал в этой игре, но ему нравилось высказывать свои взгляды. Я не мешал ему говорить. У меня было о чем подумать.

Усадив его в кресло и вручив ему большой стакан виски, приправленного имбирем, я приступил к делу.

– Дальше меня это не пойдет, Мо, – начал я, положив ноги на стол, – но похоже, что я не могу раскрыть карты, пока ты не протянешь мне руку. Мне нужна помощь, Мо, и я хочу получить ее от тебя.

Экки хмыкнул, но ничего не ответил.

– Я могу получить десять тысяч баксов, если подниму хай из-за казни Весси, – сказал я.

Экки резко поднял голову:

– Кто тебе отвалит такие бабки?

Я покачал головой:

– Это секрет. Десять тысяч – хорошие деньги, и из того, что я уже узнал, выходит, что дело Весси – сплошная туфта. Похоже, оно с самого начала было сфабриковано.

Экки с тревогой посмотрел на меня.

– Тебе лучше оставить это, Ник, – серьезно сказал он. – Ты можешь столкнуться с кучей неприятностей.

– Ну же, – коротко сказал я, – давай. Что все это значит?

Я видел, что он принимает решение. Минуту спустя я понял, что моя взяла.

– Ларри Ричмонд был президентом «Маккензи текстиль корпорейшн», – медленно произнес он, глядя куда-то поверх моей головы. – Очень многие ребята являются акционерами в этом бизнесе. Эти ребята – большие шишки в торговле и промышленности. Люди, которые занимают государственные посты.

Я снова наполнил его стакан. С легкой гримасой Экки взял его.

– Не стоит лезть в это дермо, – предупредил он. – Оно у меня уже в печенках сидит.

– Продолжай, – сказал я.

– Может, ты думаешь, что тут нет ничего необычного, но это не так. Ричмонд лично договаривался с этими людьми обо всех акциях. Их никогда не выбрасывали на открытый рынок. Ты же знаешь, как Ричмонд держался в обществе. Ему стоило только появиться и парочку раз намекнуть, и все – партия ценных бумаг выпускалась по подписке. – Он замолчал, чтобы сделать большой глоток. – Если сейчас возобновится расследование обстоятельств смерти Ричмонда и что-нибудь всплывет, у этих акционеров будут большие проблемы.

Я не торопил его. Все это было для меня новостью, и я не знал, куда оно меня приведет.

– Как это? – спросил я.

Экки перевел взгляд на меня.

— Даже у моего босса есть акции в этом бизнесе, — сказал он. — Он велел нашим ребятам не совать нос, куда не надо. Точно неизвестно, но у нас есть подозрение, что «Маккензи текстиль корпорейшн» — это ширма, на самом деле это жульническое предприятие, и оно приносит большие барыши. Парни, у которых там бабки, ничего не хотят знать — они до смерти боятся, что какая-нибудь умная обезьяна вроде тебя придет и все это разнюхает.

Я встал:

— Так что там?

Экки пожал плечами:

— Бог его знает. Ясно только, что в этом бизнесе замешано много важных персон, поэтому туда соваться крайне опасно.

— Весси подставили?

Экки кивнул:

— Конечно, Весси подставили. Кого-то не устроили собственные дивиденды, поэтому он пристукнул Ричмонда. Этот человек был связан с фирмой. Они не могли преследовать его судебным порядком, чтобы не выплыло все наружу, поэтому нашли козла отпущения — повесили убийство на Весси. Вот и вся история, приятель, а теперь забудь об этом, ладно?

— Кто такой Лу Спенсер? — спросил я.

Экки бросил на меня быстрый взгляд:

— Спенсер был правой рукой Ричмонда. Он тот самый парень, который захватил власть теперь, когда Ричмонд мертв.

— Лу Спенсер был тем парнем, который убил Ричмонда, да?

Экки побледнел.

— Я этого не знаю, — ответил он настороженно.

— О'кей, Мо, — сказал я. — Ты дал мне информацию. Большое спасибо.

Экки встал.

— Ты ведь не собираешься влезать в это дело? — с надеждой спросил он.

— Что бы ни случилось, я буду действовать осторожно, — ответил я. — А помнишь, говорили, что Ричмонд обхаживал девушку Весси и именно поэтому Весси прикончил его?

Экки кивнул.

— Да, — сказал он, — помню.

— Кем она была, Мо?

Экки нахмурился.

— Она была французской шалавой, — медленно произнес он. — Они прикрыли ее на суде.

Анри или как-то так... Они называют ее крутой Блонди.

Я почесал в затылке.

— Она профессионалка? — удивленно спросил я.

— Знаешь, Весси любил таких, которые сами о себе заботятся.

— Думаю, мне надо встретиться с этой дамой, — сказал я. — Может, что-нибудь выведаю.

— Точно не знаю, но вроде она ходит по вечерам в «Хоча-клаб».

Я похлопал его по спине и повернулся к столу:

— Вот твой вискарь, старина. Думаю, ты заслужил.

— Это точно, приятель, — усмехнулся он. — Интересно, кто тот парень, готовый отвалить десять тысяч за то, чтобы раздуть эту историю?

Я подтолкнул его к двери.

— Моя дорогая тетя Красава, — сказал я, выпроваживая его в темный коридор.

— Да? — сказал он. — То есть твоя дорогая тетя Задница, верно?

Я закрыл за ним дверь.

Убедившись, что он ушел, я достал из буфета вторую бутылку виски, снял с нее обертку и вытащил пробку. С бутылкой я пошел в другую комнату и сел на кровать. Я медленно разделся, пытаясь собраться с мыслями. Затем взял стакан, сельтерскую с имбирем и лег.

Все это следовало обдумать. Похоже, еще та работенка. Она не вызывала у меня беспокойства, но хотелось бы понять, куда я держу курс.

В настоящем дела мои шли неплохо. Я продавал статьи куда хотел и когда мне это было нужно. Редакторам нравились мои материалы, и мне платили по высокой ставке. У меня была отличная маленькая квартирка и достаточно выпивки, чтобы круглосуточно смачивать горло.

Я сел и смешал виски в стакане.

Допустим, я что-то предприму и начнется расследование. Если выяснится, что «Маккензи», или как они там называются, – это чистое жульничество, вокруг поднимется вой, и причиной буду я. Возможно, газеты после этого перестанут иметь со мной дело. Возможно, за десять тысяч я потеряю все, что имею. С такой точки зрения все это выглядело совсем непривлекательно.

Я поставил стакан на ночной столик возле кровати и закурил сигарету. Когда я ложусь в постель, обремененный подобными тяжкими заботами, я всегда представляю, как было бы здорово, если бы рядом со мной была какая-нибудь симпатичная деваха, готовая выслушать мое нытье и дать совет, который стоило бы обдумать.

Женщины еще как умеют утешать, и чем больше я об этом думал, тем больше мрачнел. Когда я уже пребывал в довольно жалком состоянии, телефонный звонок прервал мои размышления. Подняв трубку, я взглянул на часы. Было начало третьего.

– Да? – спросил я, удивляясь, кому это так приспичило.

– Ник Мейсон?

Услышав металлический голос, я сел. Моя рука дрогнула – стакан выскользнул из пальцев и разбился. Но даже утрата доброй порции виски не отвлекла моего внимания от этого голоса.

Четыре дня назад она впервые позвонила мне. Не называя себя, сказала, что я получу пропуск на казнь Весси и что я должен постараться узнать его последнее слово. Чтобы я не думал, что это розыгрыш, она пообещала заплатить мне десять тысяч долларов. Я не успел ничего ответить, как она повесила трубку.

Черт! Вот это интрига! Я был готов заниматься подобного рода вещами от зари да зари. И стимулом тут были не только деньги – от самой этой истории у меня сносило башню.

И вот она снова звонит. Невозможно было не узнать этот голос – ясный, звонкий и твердый.

Я снова опустил голову на подушку, крепко сжимая трубку.

– Да, это я, сестрица, – сказал я.

– Вы ходили?

– Да.

– И что там было?

– Он мертв. Я слышал его последнее слово. Он сказал, что здесь замешан Лу Спенсер.

В трубке раздался ее вздох.

– Он так и сказал? – требовательно спросила она.

– Да… Послушайте! В чем тут дело? Зачем вам все это?

– Я собираюсь отправить вам пять тысяч долларов, чтобы вы занялись этим. Когда узнаете всю правду и напишете об этом, я пошлю остальные пять тысяч.

Я испугался, что она повесит трубку, и поспешил сказать:

– Знаете, я прикинул, подумал… Слишком много головной боли.

В трубке воцарилось долгое молчание.

– Вы здесь? – запаниковал я.

— Да, — ответила она. — Я полагала, что вы будете рады заняться этим. Вижу, я ошиблась.

— А что, если мы встретимся и все обсудим? — сказал я. — Там огромная организация, золотко. Замешаны большие шишки... Это надо обговорить.

— Думаю, вы справитесь, — сказала она и, прежде чем я успел ответить, повесила трубку.

Я лежал, ругая ее на чем свет стоит. Но это мне ничего не дало. Она была права насчет того, что меня это заинтересует. Мне нравилось совать свой нос туда, где запросто было обжечься. В этом деле было много такого, что могло оказаться любопытным. Я положил трубку и выключил свет. В темноте думалось гораздо лучше.

Я тщательно обмозговал эту тему. У меня было несколько зацепок, которые нужно было проверить. Во-первых, я бы взглянул на акционеров «Маккензи текстиль корпорейшн». Затем я мог бы заглянуть в фирму и поразнюхать, что там к чему. Придется покопаться насчет Лу Спенсера. Экки был хорошим парнем, и я чувствовал, что он готов помочь мне, если я не стану впутывать его в это. Потом была Блонди. Возможно, я немного развлекусь с блондинкой. Во всяком случае, к блондинкам я питал слабость. На первый взгляд такой план казался привлекательным.

На этом я позволил себе расслабиться и заснул.

Глава третья

Меня разбудил звонок в дверь. Обожаю это: кто-нибудь обязательно меня будит, едва только во сне мне является блондинка. Какая-нибудь хорошененькая маленькая козочка.

Я вылез из постели и прошел через две комнаты к входной двери.

За дверью стоял специальный посыльный и напевал что-то из Коула Портера². Он посмотрел на меня, потом на конверт, который держал в руке.

– Ник Мейсон? – спросил он.

– Да, – сказал я. – Давай уже, паршивец.

Он протянул мне конверт, и я расписался. Он остался на месте, ожидая подачки, – он на нее рассчитывал. Если он думал, что я ему что-то дам, то он был просто психом. Я лишь надеялся, что на обратном пути он свалится с лестницы и сломает себе шею. Я начал закрывать дверь.

– В такой пижаме ты далеко не уедешь, – сказал он и рванул прочь по коридору. Может, думал, что я пну его в задницу.

Я вернулся в спальню и посмотрел в большое зеркало. Парень был прав. Эта пижама выглядела ужасно. Я сел на кровать и вскрыл конверт. На колени мне упали пять хрустящих тысячетысяч долларовых купюр. Никакого письма – только бабло. Несколько минут я сидел и смотрел на них. Это единственное, что я всегда готов делать, – сидеть и смотреть на деньги. Затем я сунул их обратно в конверт и положил конверт на стол.

Это, конечно, была ловушка. Я должен был начать прямо сейчас и отработать эти деньги. Я побрел в ванную и снял пижаму. Холодное покалывание водяных струй взбодрило меня. Как только я заканчивал с этой частью утренних процедур, я всегда пробовал что-нибудь спеть. Может, не каждый бы это оценил, но глотка у меня была что надо. Я обернулся полотенце вокруг талии и побрился, затем направился в спальню с мыслью выпить, дабы выполнить последний пункт – одеться.

Две вещи поразили меня, как только я вошел в спальню. В ней стоял тяжелый запах духов, которого, конечно же, не было, когда я выходил из комнаты, а конверт *исчез*.

Я отшвырнул полотенце, схватил халат и, с трудом напялив его, выскочил в гостиную. Входная дверь была приотворена. Я подбежал к окну и открыл его. Улица была пустынна. Мне показалось, что за углом мелькнуло что-то вроде желтого такси, впрочем, я не был в этом уверен. Если это было такси, то неслось оно чертовски быстро.

Я вернулся в спальню и принюхался. Я не из тех парней, которые могут быстро классифицировать запах, но этот был мне хорошо знаком. Это был один из тех запахов, с помощью которых горячие телочки заставляют сосунков бегать кругами.

В тот момент по кругу бежал и я. И сходил с ума, как слепой на стриптизе. Я схватил трубку телефона, чтобы вызвать полицию, но тут меня осенило, и я сел, чтобы поразмыслить.

Эти долларовые банкноты выглядели так славно, а теперь какая-то дамочка их сперла. Я чувствовал себя препаршиво.

После нескольких торопливых глотков из бутылки мне стало лучше, и я оделся. Все это время я гадал, что же мне теперь делать. Чем раньше я начну, тем лучше. Я запер квартиру и спустился позавтракать.

Заказал два яйца всмятку, тост и кофе. Только я собирался приступить к завтраку, как вошел парень, снимавший квартиру напротив. Этот парень вызывал у меня головную боль. Есть такие парни, которые просто не могут не вызывать головной боли. Вы не знаете почему... Они лезут из кожи вон, чтобы казаться правильными, при этом липнут к тебе, как банный лист.

² Коул Портер (1891–1964) – американский композитор, автор музыки легкого жанра.

Я попытался спрятаться за газетой, но было слишком поздно. Он подошел со странным выражением на лице и сел.

– Тебе не следует пускать к себе девиц, Мейсон, – с расстановкой сказал он. – Это создает дому дурную репутацию.

– Заблуждаешься, – возразил я. – У этого дома была дурная репутация задолго до того, как я сюда переехал. Кроме того, я не знаю, о чем ты говоришь. Какие еще девицы?

В этот момент подошла официантка и приняла у него заказ – томатный сок и тосты. Когда она ушла, он налег грудью на стол и подался ко мне.

– Я заметил ее, когда доставал газету, – сказал он. – Она выскочила с такой скоростью, будто ее гнали кнутом.

Я подумал, что, если бы заметить ее довелось мне, она выскочила бы еще быстрее.

– Ты спятил, – ответил я. – Как только я увидел тебя, то сразу подумал, что до белой горячки тебе недалеко.

На его лице промелькнуло сомнение, затем он снова заладил свое.

– Ты меня не проведешь, – сказал он, пытаясь ухмыльнуться. – Этакая штучка… я ее видел… горячая телочка.

Я допил кофе и закурил сигарету.

– С тобой часто такое? – с тревогой спросил я. – Держу пари, ты даже сможешь описать ее.

– Конечно смогу, – сказал он. – Высокая блондинка, с макияжем, который меня просто убил. На ней было черное платье, большая черная фетровая шляпа и что-то золотое на шее. Она очень спешила, но я бы узнал ее в любое время.

Я встал, отодвинув ногами стул назад, и с беспокойством посмотрел на него.

– Ты должен что-то с этим сделать, – сказал я. – Сходи к лекарю… у тебя уже бывали глюки?

Я вышел из столовой, а он все сидел и ухмылялся. Оказавшись на улице, я медленно двинулся сквозь толпу людей, спешащих на работу.

Итак, она блондинка, высокая и одета в черное. Хорошая работенка – искать даму с такими приметами. Тем не менее она хапнула мои пять тысяч, и оставалось либо ее найти, либо развести руками.

Может быть, Экки знает, где ее искать. Я зашел в аптеку и позвонил в пресс-центр, но его там не было. Сказали, что, возможно, он в бильярдной Хэнка, но не факт.

Я взял такси до Хэнка – Экки там тоже не оказалось, но вроде как он должен был появиться, поэтому я потратил немного времени на одном из бильярдных столов, чтобы попрактиковаться в прицельных ударах.

Мне никогда не удавалось овладеть искусством этой игры, но она меня притягивала, и всякий раз, подходя к столу, я просто гонял шары. Я так увлекся пушечным выстрелом, который, казалось, стал у меня получаться, что потерял счет времени. Разогнав наконец по лузам свою пирамиду, я подумал, что лучше оставить Экки в покое и выйти на свежий воздух. Только я собрался уходить, в помещение вошел длинный, худой охламон, одетый как пародия на представителя сливок общества, и остановился, уставившись на меня.

– А как насчет партийки, доллар на кону или что-то вроде того, на интерес? – неожиданно предложил он.

Я и раньше встречал подобных охламонов. Они выглядят такими тупыми, что стыдно брать их деньги, но как только они поднимают ставку до двадцати пяти баксов, то заставляют шар чуть ли не степ танцевать.

Я положил кий на стол и покачал головой.

– Я закончил, – сказал я. – А вы давайте – попрактикуйтесь.

Он взял кий и начал с того, что забил прицельный шар в лузу. И после этого выдал одну из лучших демонстраций стрельбы по шарам, которую я когда-либо видел. Он забивал шары

в лузы под любым углом, а я просто вынимал их и выкатывал ему обратно. Он придавал шару такое вращение, что тот курсировал по периметру стола. Затем он закончил, сотворив нечто невообразимое, отправив три шара по лузам одним щелчком.

– Вижу, что новичком вы были в далеком прошлом, – сказал я, подумав, как мне повезло, что я не играл с этим парнем.

Он наклонился над столом, чтобы достать шар, и его пальто распахнулось на бедре. Я увидел рукоятку пистолета, торчащую из его заднего кармана.

– Я? Да нет, – ответил он, – мне просто нравится гонять шары.

Я внимательно посмотрел на него. Он действительно выглядел охламоном, но стоило к нему приглядеться – и его выдавали глаза. Крутой парень. Оттопыренная нижняя губа смягчала выражение лица, но взгляд был подозрительный и жесткий.

Он тут же заметил, что я его разглядываю, прислонился к столу и принял чистить ногти перочинным ножом.

– Не видел вас здесь раньше? – спросил он.

Я отрицательно покачал головой.

– Просто заглянул в поисках приятеля, – ответил я.

Мне было интересно, кто он такой, и я подумал, что немного безобидной болтовни не будет пустой тратой времени.

– Похоже, я где-то вас все-таки видел, – сказал он, не поднимая глаз.

– Вот как? Возможно.

– Вы не Мейсон, журналист?

Он перестарался. Он знал, кто я такой.

– Верно, – подтвердил я. – Наверно, вам где-то моя фотография попадалась.

– Да. – Он сложил нож и сунул его в карман жилета. – Да, наверное, попадалась.

Он окунул меня долгим, пристальным взглядом, потом бросил кий на стол и вышел.

Я задумчиво смотрел ему вслед. Я не совсем понял эту ситуацию. Я подошел к бару. Хэнк начищал стаканы. Это был крупный парень с рыжими выющиеся волосами и огромными руками.

– А кто этот охламон? – поинтересовался я, мотнув головой в сторону двери.

Хэнк пожал плечами.

– Понятия не имею, – сказал он. – Что будете пить?

– Разве раньше вы его не видели?

– Не помню.

В этот момент вошел Экки. Увидев меня, он усмехнулся.

– Какого черта ты здесь делаешь? – спросил он, подходя к бару. – Два виски и имбирный эль, – сказал он Хэнку.

– Хотел тебя видеть, – ответил я, – поэтому заглянул на всякий случай.

Хэнк поставил перед нами виски и лучезарно улыбнулся Экки.

– У вас все в порядке, мистер? – спросил он.

Экки похлопал Хэнка по руке:

– У меня? Я чувствую себя прекрасно, лучше и не бывает.

Похоже, эти двое знали друг друга, поэтому я снова закинул удочку:

– Тот парень, который играл за тем столом… кто он?

Хэнк перестал смеяться. Его маленькие глазки блеснули, как ртуть.

– Говорю вам, я его не знаю, – повторил он.

Экки посмотрел на меня, потом на Хэнка. Экки был умным парнем. Он понял все и так.

– Выкладывай, Хэнк… это мой приятель, – сказал он.

– Говорю же, что не знаю, – начал злиться Хэнк. – Я не могу тратить все свое время на вас, джентльмены… работа ждет.

Он отошел к дальнему концу бара и начал протирать стаканы.

Экки задумчиво посмотрел в его сторону и налил себе еще виски.

– О чём речь? – спросил он.

Я покачал плечами:

– Может, и ни о чём. Я гонял шары, и какой-то парень предложил мне сыграть с ним. Я отказался, и пока он устраивал тут шоу, я заметил у него в кармане пистолет. Затем он спросил, не Мейсон ли я, пристально посмотрел на меня и ушёл. Мне просто интересно, кто он такой. Этот бармен знает, но не говорит.

Экки нахмурился:

– А какой он из себя?

– Высокий, худой тип с оттопыренной губой и холодным, жестким взглядом. На вид дубина дубиной, но я думаю, что он вполне себе крутан.

Глаза Экки сузились.

– Этот парень знает, как обращаться с кием?

– Еще бы, ничего подобного я в своей жизни не видел.

– Это Эрл Кац, – сказал Экки. – Ну и ну! Ну и ну!

Я покачал головой:

– Кто такой?

– Да ты его не знаешь. Один из боевиков Лу Спенсера.

Я поставил стакан на стойку, так что он громко звякнул.

– Лу Спенсера? – сказал я.

Экки кивнул:

– Да... мне кажется, они за тобой уже следят.

– Почему Хэнк так нервничает из-за этого охламона? – спросил я.

– Кац – охламон? – Экки покачал круглой головой. – Брось ты! Этот малый смертельно опасен, как гремучая змея. У Хэнка и всех остальных поджилки трясутся при виде него.

Я хлебнул виски и тихо произнес:

– Ну, я готов сообщить тебе, что меня этот парень нервничать не заставит.

Экки покачал плечами.

– Посмотрим, – сказал он.

Я оглядел помещение, но здесь по-прежнему никого не было, кроме Хэнка, который держался от нас подальше. Я понизил голос:

– У меня тут было небольшое приключение. Ко мне заглянула одна дама и сперла у меня бабло.

Экки, похоже, заинтересовался:

– Ты хочешь сказать, что она явилась к тебе и забрала твои деньги?

– Я принимал душ, а она проникла в квартиру, обчистила меня и скрылась, а я ее и не заметил. Парень, который живет напротив меня, видел ее. Думаю, она замешана в этом деле, и мне интересно, может, ты знаешь, кто она такая?

Экки недоверчиво посмотрел на меня:

– Откуда мне знать, черт возьми?

– Ты можешь представить себе блондинку, одетую в черное? Носит большую фетровую шляпу и выглядит по-настоящему горячей штучкой?

Экки покачал головой.

– Почему ты думаешь, что она замешана в деле Весси? – спросил он.

Я предпочитал не говорить ему об этом, но только я собрался закрыть эту тему, как он в нее въехал. Под шляпой у него мозгов хватало.

– Ни хрена себе! Вот так хохма, – сказал он, хлопая себя по бедру и издавая один из своих хрюкающих смешков. – Тебе заплатили, да? Они уже подсунули тебе десять штук, и кто-то их стащил.

Он прислонился к стойке и загоготал. А закончив ржать, вытер глаза рукавом и зло ухмыльнулся.

– Ну и ну! Круто, – сказал он. – Значит, эта чухиха сбежала с твоим баблом.

Я сказал «да» и налил себе еще.

– Может, ты вместо соболезнований напрягешь свои мозги. Может, дашь наводку на эту блондинку?

Экки покачал головой:

– За кого ты меня принимаешь? Думаешь, я знаю всех блондинок в городе?

– Это не могла быть подружка Весси?

Экки вдруг явно стало не по себе.

– Послушай, Ник, – сказал он, – ты мне нравишься, но я должен держаться подальше от этого... понимаешь? Ты можешь заниматься этим, если хочешь заработать себе на похороны, но меня держи подальше.

– Ладно, ладно, – сказал я, – забудь. Я сам разберусь.

Экки кивнул:

– Ты из тех парней, которые могут вскрыть эту хрень и не поцарапаться.

Хорошо он устроился, подумал я и посмотрел на часы. Близилось время ланча.

– Ладно, Мо, – сказал я, – увидимся.

И оставил его смаковать еще одну порцию виски.

Я стоял на обочине и размышлял. Моя жизненная позиция состояла в том, чтобы всегда с кем-то бодаться. Я не был уверен, что на сей раз окажусь в выигрыше. Может быть, я лезу в такое дело, которое не смогу закончить. Может быть. Затем я подумал, что хорошо бы все-таки с этим разобраться. Я подозвал такси и сказал водителю, чтобы тот отвез меня к Хоффман-билдинг, да поживее.

Глава четвертая

Я вылез из такси перед Хоффман-билдинг и поднялся на лифте на десятый этаж.

«Маккензи текстиль корпорейшн» – это нечто. Столько хромированной облицовки, как на одном этом входе, мне еще не доводилось видеть – целая выставка, а оказавшись внутри, я чуть не по колени погрузился в мягкий ковер. В большой приемной было так же оживленно, как на железнодорожном вокзале. В дальнем конце я разглядел стойку администратора, которую осаждала толпа орущих мужчин, которые желали встретиться с мистером таким-то или сяким-то.

Я постоял в дверях, оглядываясь по сторонам. То и дело из какой-нибудь комнаты появлялась дамочка и стремительно пересекала вестибюль. Все они были как на подбор, и я подумал, что был бы не прочь поработать здесь.

Я направился к стойке. Толпа мужчин все еще боролась за то, чтобы привлечь к себе внимание. Я помедлил, глядя на них, потом взял спичку, чиркнул ею о подошву ботинка и поджег газету, которую держал под мышкой один из этих поцов. Отступил назад и стал ждать.

Когда бумага вспыхнула, начался переполох. Народ отвлекся на пожаротушение, а я подошел и попросил девушку соединить меня с секретаршей Спенсера.

Она оказалась толковой девчонкой.

– У вас назначена встреча? – спросила она, краем глаза следя за суматохой среди поцов.
Мне уже начало это надоедать.

– Послушай, сестрица, – сказал я, – позвони и скажи тому, кто занимается делами мистера Спенсера, что к нему Ник Мейсон, и если мне придется долго ждать, я рассержусь.

Она пристально посмотрела на меня, вычисляя, блефую я или нет, потом решила, что нет, и позвонила. Я стоял над ней, пока она передавала мою просьбу. Потом она отсоединилась и коротко сказала мне:

– Комната двадцать шесть, справа от вас.

– Спасибо, душка… надеюсь сегодня тебе присниться.

Я подошел к комнате 26, постучал в дверь и вошел. Эта маленькая комната была, очевидно, приемной. Большую ее часть занимал письменный стол – плоский, без конторки. Ковер был похож на травяное покрытие, а на стене висела неплохая картина с обнаженной натурой. Обнаженная на секунду привлекла мое внимание. Это первое, что бросалось в глаза при входе. Я подумал, что если их бизнес устроен таким образом, то торговля с отсрочкой по платежам отправится в тартарары.

Перевел взгляд ниже и увидел, что за столом сидит с ногами на столе брюнетка. Не поймите меня неправильно насчет этой девушки. Шика в ней не было, но она принадлежала к числу тех девушек, которых можно было показать дома своей маме и не бояться за последствия. У нее были мягкие и густые каштановые волосы и большие карие глаза. Крупный, красиво очерченный рот, а нос маленький и милый.

– Прошу прощения, – сказал я. – Эта дама там, на стене, так меня поразила, что я не заметил вас.

Она улыбнулась:

– Мистер Мейсон?

Я положил шляпу на стол и сел.

– Да, – сказал я, – Ник Мейсон. Я хочу видеть Лу Спенсера.

Ее глаза чуть расширились.

– Мистер Спенсер занят. Вы не можете встретиться с ним без предварительной записи.

Я откинулся назад и посмотрел на нее. Я никак не мог понять, что же так привлекло меня в этой девушке. На ней почти не было косметики, и не то чтобы нарядно одета, а все же мне показалось, что она великолепна.

– Если вы сообщите мне, по какому поводу хотите его видеть, я могу это устроить.

Я сказал:

– Это в двух словах не объяснить, мисс... э... мисс...

Она меня не поддержала, а просто сидела, глядя на меня со старомодной вежливостью, и ждала.

На меня нашло вдохновение.

– А что, если мы отправимся куда-нибудь перекусить и все обсудим. – Я взглянул на свои часы. – Уже почти час, самое подходящее время. Мне нужно многое сказать, и, может, вы посоветуете, стоит ли мистер Спенсер того, чтобы с ним встретиться.

Я видел, что она готова сказать «нет». В то же время в ее глазах читалось, что она не считает меня каким-то болваном. Похоже, ее можно было убедить.

– Ну пожалуйста, не задирайте носик, – взмолился я. – Дайте мне шанс рассказать все, что нужно.

Она встала:

– Отлично, мистер Мейсон, пойдемте на ланч.

Хотите верьте, хотите нет, но я обалдел от этой девушки. Это я-то – обалдел от какой-то там девушки! Я прямо слышал, как сорок тысяч сестриц переворачиваются в своих могилах.

Мы спустились на лифте, и я сказал:

– А что, если мы отправимся к «Неряхе Джо»?

Она рассмеялась:

– С удовольствием... где это?

Я мотнул головой в сторону проезжающего такси.

– Всего в долларе отсюда, – сказал я.

Желтое такси остановилось, и водитель распахнул дверцу. Он взглянул на девушку и подмигнул мне.

– Я буду вести машину аккуратно и медленно, босс, – заверил он.

Эти таксисты иногда бывают очень даже кстати. Я помог ей сесть.

– К «Неряхе Джо», дружище, – сказал я. – Просто опусти перегородку, ладно?

– Конечно, босс, – ухмыльнулся он, – и я не буду оглядываться. Приятного отдыха.

Я сел в тачку несколько взволнованный. По озорной улыбке моей спутницы я понял, что она все правильно расслышала.

– У этих парней лишь одно на уме, – сказал я, устраиваясь в дальнем углу. – Может быть, нам стоит представиться друг другу. Ник Мейсон... впрочем, я, кажется, уже это говорил.

– Марди Джексон, – представилась она.

– Рад познакомиться, – сказал я, и мы рассмеялись.

Я подумал, что у нее шикарное имя. Мне оно понравилось. Оно ей подходило.

– Итак, мисс Джексон, – сказал я, предлагая ей сигарету, – вы секретарша Спенсера... верно?

Она взяла сигарету.

– Верно, – ответила она. – А вы тот, кто пишет статьи?

Я поднес огонек к ее сигарете, затем закурил сам.

– Да, вот так и свожу концы с концами, – признался я. – Это отличный способ заработать на жизнь. Я мог бы рассказать вам истории, которые бы вас впечатлили.

– Ну, может, когда-нибудь и расскажете.

Так оно и пошло дальше. Всю дорогу мы весело болтали. Впервые с тех пор, как я достиг совершеннолетия, я не подбивал клинья, сидя с девушкой в такси. Большинство жен-

щин настолько глупые, что приходится сразу приступать к делу, иначе умрешь со скуки. Другие считают, что попусту тратят время, если ты сидишь сложа руки, но этой малышкой достаточно было просто любоваться и не торопить события.

Когда мы добрались до «Неряхи Джо», там уже было полно народа, но грек-метрдотель заметил меня и помахал рукой из дальнего конца зала. Мы пошли по проходу между столиками. Я получил большое удовольствие от того, как мужчины разевали рот, глядя на Марди. Даже те, у кого были свои подружки, тайком оборачивались в ее сторону.

Грек был само радушие. Я не раз и не два хорошо отзывался в газетах о его ресторане и кормился там за счет заведения, когда мне этого хотелось.

Разумеется, у него нашелся столик. Когда он согнулся пополам в поклоне, Марди весело улыбнулась ему. Я видел, что она покорила сердце старика, и почему-то мне это тоже нравилось.

Он бросил на меня быстрый взгляд, и я усмехнулся в ответ.

– Ты неплохо выглядишь, – сказал я.

Когда мы сели, грек протянул меню, которое было длинной с мою руку. Я посмотрел на Марди.

– Вы очень голодны? – спросил я.

– Очень, – кивнула она.

– Как насчет канапе с шампиньонами и бифштекса по-швейцарски с тем гарниром, что к нему прилагается?

– Звучит заманчиво.

– О’кей, – сказал я греку, – сделай это дважды и побыстрее.

Она начала снимать перчатки. Я не сводил глаз с ее пальцев. Никаких колец. Я удивился тому, что испытал облегчение.

– А теперь, мистер Мейсон, может быть, вы мне все расскажете?

Я покачал головой.

– Не будем торопиться, – сказал я, – я должен к вам привыкнуть.

Ее брови снова поползли вверх.

– Вам не кажется, – тихо произнесла она, – что нам лучше поговорить о деле? Я должна вернуться через час.

Появился грек с канапе. Немного повозившись и убедившись, что у нас больше нет никаких пожеланий, он ушел. Это дало мне время, чтобы собраться с мыслями.

– Пожалуй, я выложу свои карты на стол, – сказал я. Мне показалось, что от этой фразы я устал. – Вы когда-нибудь слышали о парне по имени Весси?

Она едва заметно вздрогнула и удивленно вскинула голову.

– Вижу, что да, – продолжил я, прежде чем она успела что-то сказать. – Парень, которого казнили прошлой ночью. Ну, я интересуюсь им и историей, которая стоит за этим. Я хотел спросить, не могли бы вы дать мне информацию о нем?

– Я? – удивилась она, и я сказал себе, что тут мне ничего не светит. – Но почему я должна давать вам какую-то информацию?

Я помотал головой:

– Похоже, я ошибся. О’кей, забудьте об этом, хорошо?

Она вздернула подбородок.

– Нет, я этого не забуду, – ответила она. – С чего вы взяли, что я могу вам что-то рассказать?

Я видел, что она нервничает. Я не хотел ссориться с этой малышкой... она мне слишком нравилась. Кроме того, мне следовало быть поосторожней. В конце концов, она была секретаршей Спенсера. Я покачал головой.

— Извините, что заговорил об этом, — сказал я. — Меня иногда заносит. Вы правы. Такая девушки, как вы, ничего не может об этом знать... Полагаю, я должен перед вами извиниться.

Она улыбнулась — сдержанной, решительной улыбкой.

— Это еще не ответ на мой вопрос, — заметила она.

Улыбнулся и я.

— Не ставьте меня в неловкое положение, сестренка, — сказал я. — Я думал, что куданибудь да приеду, оседлав лошадку, но вижу, что просчитался. Если бы было можно, я все бы вам рассказал, но пока об этом лучше не распространяться. Может, вы подскажете, как мне попасть к Спенсеру?

Бифштекс по-швейцарски сделал многое для того, чтобы развеять напряженную атмосферу, но Марди не собиралась уступать, открыв для меня пути отступления.

Она в упор посмотрела на меня:

— Знаете, мистер Мейсон, мне это совсем не нравится. Вы сказали, что хотите поговорить о бизнесе. Мой бизнес связан с текстилем. Вместо этого вы начинаете разговор о каком-то несчастном убийце. Что это за глупая шутка?

Оказалось, что я начинаю нервничать. Это было что-то новенькое.

— Это не было шуткой, — проблеял я. — Я совершенно серьезно хотел...

Она отодвинула стул.

— В таком случае, мистер Мейсон, — холодно заявила она, — думаю, нам больше не стоит терять время.

Будь на ее месте другая женщина, я залепил бы ей хорошую оплеуху, но эта малышка заставляла меня плясать под ее дудку. Я взмолился:

— Только не уходите... я все расскажу.

Она покачала головой:

— Нет... думаю, мне лучше уйти.

Но она не двинулась с места. Возможно, она была самой умной из всех прочих, но все равно оставалась женщиной, и любопытство взяло верх. Я оглянулся через плечо, чтобы посмотреть, далеко ли от нас соседний столик, и, убедившись, что меня никто не слышит, выложил ей все как на духу, от начала и до конца.

Она сидела, сложив руки на коленях, широко раскрыв глаза и приоткрыл рот. Я рассказал ей все, что у меня было в загашнике. Она слушала меня с неослабным вниманием, пока я наконец не замолк. Я подумал, что выглядит она шикарно.

— Если не считать десяти тысяч, — заключил я, — меня интересует это заказное дело. Из него получится отличная история, и я всегда считал, что каждый должен получить по заслугам.

Она сказала едва слышно:

— Но... но... мистер Спенсер... нет, я не могу поверить, что...

Я пожал плечами:

— Я никогда с ним не встречался. В то же время какого черта у него делает этот киллер? Почему парень, занимающийся текстилем, должен быть связан с таким головорезом, как Кац?

Я заметил, как ее вдруг чуть передернуло.

— Вы знаете об этом немного больше, чем мне кажется. Разве не так? — сказал я.

Она колебалась. Затем покачала головой:

— Я не могу вам помочь... Я его личный секретарь... Понимаете?

Я почесал подбородок.

— Да, наверное, — произнес я с сомнением. — В то же время, дорогая, не забывайте, что это убийство, и соучастники не заслуживают особой жалости.

Она немного побледнела, когда я сказал это, но снова покачала головой.

— Нет, не сейчас, — твердо заявила она.

— О'кей, — сказал я. — Может быть, позже.

Грек принес кофе, и я протянул ей сигарету. Мы сидели молча и курили. Я не очень-то представлял дальнейшие свои шаги. Надеялся, что мне еще что-нибудь обломится, но все было глухо, как и прежде.

– Пожалуй, мне лучше взглянуть на этого Спенсера, – сказал я наконец. – Может быть, я что-нибудь из него вытяну.

Марди вертела в руках кофейную ложку.

– Лучше бы вы этого не делали, – заметила она, не глядя на меня. – Вам не кажется, что лучше оставить эту затею?

Я удивленно поднял брови. Должен признать, что я получал до черта адреналина в связи с этим делом.

– Я должен разобраться с этим, – сказал я. – Неужели вы не понимаете, что стоит за этой историей, какой сюжет? Если я ракчу его, тут начнется такой кипеж! Это кое-что да значит.

– Не хочу показаться занудой, – произнесла она, внезапно положив руку мне на рукав, – но не слишком ли много вы на себя берете? Я имею в виду… я не хочу, чтобы вы думали… – Она остановилась в замешательстве.

– В смысле, не заболит ли у меня живот, если я, простофиля, откусу большой кусок и не смогу прожевать? – улыбнулся я ей, чтобы показать, что злюсь.

Она посмотрела на меня, и в ее глазах была тревога.

– Нет, я не совсем это имела в виду, – сказала она. – Но если то, что вы говорите, правда… это лишь одна сторона медали. Разве вам не кажется, что надо иметь кого-то для поддержки, если уж вы решили двигаться дальше?

Я стряхнул пепел с сигареты. Это была та девушка, о которой я давно мечтал. Девушка, которая готова все обсудить и высказать свое мнение.

– А если бы вы взялись за это, что бы вы сделали?

Она колебалась:

– Я бы и пальцем не пошевелила, пока не выяснила бы, кто эта женщина, которая вам звонила. Почему она предлагала вам деньги. По какой причине заинтересована в этом расследовании.

Я кивнул.

– Да, – согласился я, – это отличная идея. Но выяснить, кто эта женщина, непросто.

Марди взглянула на часы и тихо ойкнула.

– Я должна идти, – сказала она, погасив сигарету и взяв перчатки и сумочку. – Спасибо за ланч.

Я отодвинул стул и последовал за ней.

– Вы не заплатили по счету, – тихо произнесла она.

Я усмехнулся:

– Только не в этом городе.

Я махнул рукой греку. Он опередил меня и распахнул дверь.

– Надеюсь, – сказал он, складываясь пополам, – что вы снова приведете эту прекрасную леди.

Марди покраснела, но я видел, что ей это весьма приятно.

– Ты еще увидишь ее, – кивнул я.

Я вызвал такси. Она повернулась ко мне.

– Надеюсь, вы не вернетесь в офис, – торопливо сказала она. – И надеюсь, вы не будете делать глупости, пока все не обдумаете. Сначала выясните, кто эта женщина.

Чуть улыбнувшись, она села в такси, а я остался стоять один.

На противоположной стороне улицы внезапно появился Эрл Кац. Он посмотрел на меня, бросил окурок в мою сторону, а затем медленно пошел в том же направлении, куда уехала машина с Марди.

Глава пятая

Я заявился в «Хоча-клаб» лишь поздно вечером. После того как уехала Марди и внезапно появился Кац, я побродил по городу и пошевелил мозгами. Это ничего мне не дало, но я подумал, что, может быть, подожду немного, прежде чем засветиться перед Спенсером. Ради заработка я сходил на бейсбольный матч, вернулся домой, написал о нем, отправил статью по почте в спортивную газету, которая брала у меня материалы, и отправился поужинать.

К тому времени, как я покончил со своими делами, было уже около десяти часов. Вечер был жаркий, со звездами и полной луной. Я решил пойти в клуб и посмотреть, не попадется ли мне подружка Бесси.

«Хоча-клаб» был одним из тех шикарных кабачков, которые выглядят что надо, хотя на самом деле они довольно занюханные, если к ним присмотреться. Я сел за столик в углу, заказал большую порцию виски и углубился в газету.

Здесь было людно и не все дамы были такими, какими им следовало быть. Я зацепился языком с двумя из них, но когда они поняли, что я пас, то отвалили. Я просидел около получаса, но так как не увидел никого, кто действительно заинтересовал бы меня, то стал задаваться вопросом, какого черта я тут делаю.

Наконец я знаком позвал официанта. Это был высокий, жалкого вида парень с большими водянистыми глазами и синюшного цвета подбородком.

Я достал из жилетного кармана банкноту в пять долларов и начал поигрывать ею. Его взгляд с интересом сосредоточился на ней.

– Послушай, приятель, – сказал я, – я ищу даму, которая довольно часто сюда приходит. Может быть, ты скажешь мне, где ее можно найти.

Не отрывая глаз от банкноты, он произнес:

– Конечно... кто она?

– Ее зовут Блонди, – ответил я, – и она работает где-то поблизости.

На его лице появилась сальная улыбка. Я видел, что для него это несложная задачка.

– Конечно, – сказал он, – я ее хорошо знаю. Она была здесь. Думаю, она сейчас работает. Я подтолкнул к нему банкноту, и он быстро взял ее.

– Где мне ее найти? – спросил я.

– Угол Десятой улицы.

Я встал.

– Спасибо, приятель, – бросил я.

Он пожал плечами.

– Дамочка что надо, – сообщил он, забирая мой бокал.

Я помолчал, а потом сказал:

– И я такое слышал. Это мой первый заезд. Легко ее найти?

– Легко, конечно, – заверил он меня. – Высокая дама в черном. – Он слегка усмехнулся. – Крутая блондинка, с такой не соскучишься.

Я вышел на улицу. Высокая дама в черном. Меня охватило возбуждение. В данный момент не следовало ни о чем думать, надо было подождать и увидеть эту даму собственными глазами.

На углу Десятой улицы, когда я туда явился, никого не было. Вся улица была погружена в полумрак. Уличные фонари стояли далеко друг от друга, и ни в одном из магазинов не горел свет. Я подумал, что это довольно скверное место для промысла, но, возможно, ей было виднее.

Я встал на углу и закурил сигарету. Яостоял там минут пять. Я знал, что прошло пять минут, потому что то и дело смотрел на часы.

А потом, когда я уже начал терять терпение, из мрака вышла она. Прежде чем увидеть ее, я услышал медленный стук деревянных каблуков и застыл, бросив сигарету в канаву. Я смутно видел, как она не спеша приближается ко мне – высокая темная фигура в черном.

Я повернулся к ней вполоборота, чтобы она не ошиблась в моих намерениях. Я смотрел на белое пятно ее лица, с нетерпением ожидая, когда смогу разглядеть ее черты.

Она увидела, что я жду ее, и замедлила шаг. Одна рука потянулась к бедру, и она слегка вильнула им, неторопливо приближаясь ко мне.

Когда она оказалась рядом, я почувствовал запах ее духов. Тот же дурманящий запах, что и в моей спальне. Мрачное вдохновение охватило меня – это была та сама дама, которая опустила меня на пять тысяч.

– Привет, – сказала она, остановившись рядом. Она была почти такого же роста, что и я, и ее большая черная шляпа затеняла ей лицо. Я мог разглядеть лишь ее острый подбородок и блеск в глазах.

– Привет, красотка, как начет того, чтобы развлечься? – спросил я.

Она издала гортанный мурлыкающий смешок, который Мэй Уэст³ сделала популярным.

– Отвезешь меня к себе домой, дорогой? – сказала она, положив руку в перчатке мне на рукав.

Я усмехнулся про себя. Кто бы сомневался, что я отвезу к себе эту бабенку, и как же она чертовски удивится, когда мы туда доберемся.

– Конечно, – ответил я, – я весь вечер искал такую малышку, как ты.

– Неужели, дорогой? – снова рассмеялась она. Мне хотелось, чтобы она на время оставила «дорогого» в покое. Я сказал себе, что скоро она будет называть меня совсем иначе. – Ну, ты нашел малышку что надо...

– Пошли, – сказал я.

– Это здесь. – Она махнула рукой в конец улицы.

Мы шли по улице, и она оказалась первой дамой в моей жизни, которая шла в ногу со мной. Я сказал, чтобы хоть что-то сказать:

– Эти твои духи меня просто нокаутируют.

– Нравятся, дорогой?

– Да, – ответил я. – Они как шлейф. И бьюсь об заклад, что ты оставляешь заметный след, куда бы ни пошла.

Она сбилась с шага, и теперь ее правая нога ступала синхронно с моей левой. Я постарался снова идти с ней в лад.

– Какой ты забавный мальчик, дорогой, – сказала она, быстро взглянув на меня из-под шляпы.

– Да, – откликнулся я, – еще тот жук.

Она остановилась у двери рядом с маленькой ночной закусочной. Я смутно разглядел небольшую медную пластинку, привинченную к двери. Чиркнул спичкой и прочел: «Анри Керш».

– Ну и ну, – сказал я, – значит, ты написала свое имя на двери.

– Конечно, дорогой. – Она порылась в сумке и нашла ключ. – Когда ты снова заглянешь, хочу, чтобы ты легко нашел меня.

Я подумал, что эта дама сильно заблуждается. В следующий раз, если бы я заглянул к ней, она встретила бы меня утюгом.

Я последовал за ней через короткий лестничный пролет, мимо вестибюля закусочной, потом мимо двух дверей, тоже с медными табличками, и далее еще через несколько пролетов.

³ Мэй Уэст (1893–1980) – американская актриса, драматург, сценарист и секс-символ, одна из самых скандальных звезд своего времени.

Она остановилась на небольшой лестничной площадке и открыла дверь.

– Вот мы и пришли, дорогой.

Я вошел в комнату. То еще местечко. Открываешь входную дверь и натыкаешься на двухспальную кровать. Кровать занимала всю комнату.

Я протиснулся вдоль стенки и добрался до дальнего конца комнаты. Кровать разделяла нас. Я должен был признать, что хозяйка хорошо постаралась, чтобы придать комнате уютный вид. Там было немало разных безделушек, а на стенах висело несколько картин – я даже взглянул на них.

– У тебя шикарная квартирка, – сказал я.

Она сняла шляпу и тряхнула своими светлыми волосами. Мы посмотрели друг на друга. Она свое получит. Она не была похожа на типичную уличную девку и сошла бы за красотку, если бы не ее острый подбородок. Он несколько портил ее лицо, но для своей грубой работы она была более чем хороша. Если бы я не провел целый час с Марди, думаю, эта шлюха меня бы всерьез заинтересовала.

Я бросил шляпу на вешалку и улыбнулся. Она посмотрела на меня долгим, испытующим взглядом, и ее ответная улыбка была полна обещаний.

– Значит, тебе нравится, да? – спросила она.

Это еще одна вещь, которую я обожаю. Когда дама говорит «да».

В изголовье кровати по обе стороны от нее были две двери.

– Я сейчас, – сказала она и, прежде чем я успел ее остановить, скрылась за одной из них.

Я сел на кровать и закурил сигарету. Где-то здесь были мои пять тысяч, если только она не положила их в банковский сейф. Если она так и сделала, то плакали мои денежки, но, зная, как эти шлюхи любят держать их под рукой, я решил, что не буду разочарован.

Она снова появилась – на лице ее была призывающая улыбка.

Жаль, что я не взялся за дело до того, как она уходила, но теперь было уже поздно.

Она подошла и села на кровать.

– Можно мне получить подарочек, дорогой? – сказала она.

Ну вот, началось. Я отрицательно покачал головой.

– Ты все неправильно поняла, детка, – сказал я. – Это ты должна мне за прогулку.

Я говорил, что она была не похожа на типичную уличную девку. Но я ошибался. Надо было быть психом, чтобы думать иначе. Яркая улыбка и сверкающие глаза исчезли, как будто их стерли губкой. Ее лицо внезапно застыло.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она, и в ее голосе внезапно зазвучал металл. Ничего хорошего этот голос не сулил.

Я стряхнул пепел с сигареты.

– Только это, – ответил я, медленно принимая такое положение, чтобы можно было вскочить, если она что-нибудь выкинет. Почему-то я чувствовал, что она, скорее всего, что-нибудь выкинет. – Может, нам лучше познакомиться, детка, – продолжал я. – Я Ник Мейсон.

Всего на секунду она выдала себя, но затем снова обрела самообладание.

– Ты не пьян, дорогой? – спросила она, потянула с кровати подушку и прижала ее к себе.

– Попробуем спуститься на землю, – сказал я. – Мы можем начать с того, что оставим «дорогого» в покое... меня мутит от него.

Она встала, подошла к двери, где висела ее накидка, и быстро надела ее. Когда она завязывала пояс, я заметил, что пальцы ее дрожат.

– Ты, никак, спятил, – сказала она. – Убирайся отсюда.

– Полегче, – предупредил я, все еще сидя на кровати. – Сегодня утром ты явилась ко мне домой и обчистила меня на пять тысяч. Верни их, и мы будем квиты.

Она разыграла целый спектакль. Ее глаза широко раскрылись, и она даже сумела рассмеяться.

— Ты спятил! — воскликнула она. — Я никогда тебя не видела и не знаю, где ты живешь. Я медленно поднялся на ноги.

— Послушай, детка, — тихо произнес я, — блефом ты ничего не добьешься. Тебе от меня не смыться, и я достану эти деньги любой ценой, даже если мне для этого придется разнести на части твой притон. Не стоит выеживаться, потому что я могу свернуть тебе шею одной рукой. Так что отдай по-хорошему.

Она постояла в нерешительности, потом пожала плечами.

— Раз ты так расстроен, — сказала она, — то, может быть, мне лучше вернуть их.

Я чуть не рассмеялся. Я позволил ей подойти к маленькому комоду и выдвинуть один из ящиков, прежде чем перелетел через кровать и крепко ее обхватил. Я заблокировал ее руки и рывком оттолкнул от ящика. Я был рад, что принял меры предосторожности, — в верхнем ящике у нее лежал пистолет.

За свою журналистскую карьеру я побывал в самых неприятных переделках, а также во множестве темных мест, но чтобы схлестнуться с женщиной — такое со мной было впервые, и мне очень хотелось бы дать письменные заверения, что это, как я искренне надеюсь, в последний раз.

Я могу постоять за себя, когда дело доходит до драки с мужчиной. Я знаю почти все приемы, к которым они прибегают, и знаю почти все контрприемы, но когда на тебя набрасывается белокурая фурия... Тут я оказался гребцом без весла.

Теперь я понимаю, что мог бы избавить себя от чертовой дюжины разных неприятностей, если бы ударил ее в подбородок и покончил с этим прямо тогда, но я сгупил и отнесся к ней слишком легкомысленно.

Она бросилась на меня, молотя руками, словно лопастями пропеллера, ее глаза сверкали. Я попытался схватить ее за руки, но это мне не удалось. Она ударила в меня, словно снаряд, и я упал под тяжестью ее тела, застряв между стеной и кроватью. Положеньице лучше не придумаешь, если к тому же сверху на тебе разъяренная кошка.

Она навалилась на меня, вцепившись руками мне в горло. Она, должно быть, весила около ста сорока фунтов, а это не шутка, если на вас сверху такой груз.

Мне удалось схватить ее за запястья, и я приложил немало усилий, чтобы удерживать ее в таком положении. Представьте себе эту картину, если сможете. Я лежал на спине, зажатый между стеной и кроватью, а Блонди — на мне, с таким видом, что, освободи она запястья, непременно убила бы меня.

— Успокойся, сестрица, — сказал я, задыхаясь, — леди так себя не ведут.

Вместо ответа бешеная кошка боднула меня головой в лицо. Может, ее локоны и были светлыми, но голова у нее была твердая, как бетон. Может, она сдуру и сама немножко стукнулась, но разве это сравнить с тем, что она сделала с моим портретом. Я почувствовал, как из носа потекла кровь, и мне показалось, что мои передние зубы вышли наружу сквозь верхнюю губу.

Я разозлился как черт знает кто и, выпустив ее запястье, изо всех сил ударил в челюсть. Если вы когда-нибудь пытались ударить кого-нибудь, лежа на спине и крепко втиснутый куда-то, то сами знаете, как это трудно, но мне удалось чуть добавить пара, чтобы все-таки отбросить ее.

Это позволило мне принять сидячее положение и еще раз ударить ее, когда она попыталась опять повалить меня. Удар получился весомым, но пришелся ей в плечо, так что я лишь оттолкнул ее, но не остановил.

Когда она оправилась от удара, я уже был на ногах, и мы стояли, уставившись друг на друга.

— Прекрати, — сказал я, — или тебе будет больно. Я же предупреждал...

Но была ли у нее в голове хоть капля разума? Она выхватила ручное зеркало из ящика комода и снова набросилась на меня. Я проклял эту кровать... там просто невозможно было адекватно реагировать. Я выбил зеркало у нее из рук, а потом мы вместе упали на кровать. В некотором смысле это было кстати, потому что я был тяжелее и мог бы этим воспользоваться. Я схватил ее за одну руку, но, прежде чем успел схватить другую, она ударила меня по лицу, пнула в голень своей остроносой туфлей и снова засадила мне кулаком в нос.

Пока что инициатива была в ее руках, и удар, который она нанесла, был весьма чувствительным. От неожиданности я выпустил ее руку, и она попыталась откатиться на другую сторону кровати. Я вцепился сзади в ее накидку и чуть ли не стянул со спины. При этом она потеряла равновесие и опрокинулась на кровать.

На этот раз я действовал без ошибок. Я схватил ее за руку и швырнул лицом вниз. Всей своей тяжестью опустился на ее поясницу и слегка заломил руку. Она внезапно взвигнула, и я ослабил хватку.

— Веди себя прилично, — выдохнул я, глядя, как кровь из моего носа капает на ее обнаженные плечи. — Если ты сейчас начнешь мудрить, я оторву тебе руку и изобью тебя ею до смерти.

Какими только словами она меня не обзвивала! Сомневаюсь, что грузчик мог бы потягаться с ней в этом. Я посильнее надавил ей на руку, чтобы она смолкла, и это, разумеется, подействовало. Держа ее в таком положении, я свободной рукой нашупал пояс от ее накидки, снял его, а затем попытался связать ей руки.

Она поняла, что, как только я свяжу ее, ей крышка, и на несколько секунд просто взбесилась. Мне едва удавалось удерживать ее. Она так дергалась, что не стоило и пытаться связать ее, поэтому я подождал, пока она затихнет. Как только я предпринял новую попытку, она снова начала бороться. Мне это уже порядком надоело, и я с нее слез.

Она перевернулась на спину и попыталась сесть. Этого я и ждал. Едва она подняла голову, как я замахнулся левой и ударил ее кулаком в челюсть. Я даже не стал вкладывать вес в свой удар — я просто вмазал ей, — и это был не удар, а конфетка.

Я увидел, как ее глаза остекленели и она обмякла. Я стоял над ней, тяжело дыша. Такой суровой схватки в моей жизни еще не случалось. Я перевернул ее и, взяв пояс, связал ей руки за спиной. Затем я снял с нее то, что осталось от ее чулок, и связал ее лодыжки. Откинув простыню, я закатил ее под одеяло, предварительно убедившись в надежности моих узлов.

Потом я пошел в ванную и посмотрел на себя в зеркало. Ну и видок, усмехнулся я. На этот раз я выглядел так, будто во что-то врезался на всем ходу. Нос все еще немного кровоточил, а под глазом был огромный синяк. Я включил воду и умылся. Закончив, я вернулся в спальню. Она все еще была в отключке.

Я закурил сигарету и сел. Колени мои немного дрожали. Мне, конечно, хорошо досталось, и я был страшно рад, что в конце концов ее одолел. Официант в «Хоча-клабе» сказал, что она крутая, но он недооценил ее. Крутая? Не смешите меня. Да она надрала бы задницу и Льюису Душителю⁴.

Я не собирался разносить на части ее комнату, пока не поговорю с ней. Связанная, она могла стать благоразумней. Во всяком случае именно в таком варианте я предпочитал разговаривать с дамами, подобными ей.

Я выкурил полсигареты, когда моя блондинка стала приходить в себя. Я с интересом наблюдал за ней. Она открыла глаза, поморгала от яркого света и закрыла их. Ее голова беспокойно заерзала на подушке. Кровать выглядела так, будто по ней прошел смерч, но я не собирался тратить время на то, чтобы приводить ее в порядок и нянчиться с малышкой.

⁴ Роберт Херман Льюис Фредерик (спортивная кличка Душитель Льюис; 1891–1966) – американский профессиональный борец.

Внезапно она очнулась и попыталась сесть. Взгляд, которым она одарила меня, прожег бы дыру в стене. Я улыбнулся ей.

– Прости за грубость, сестрица, – сказал я, – но ты сама напросилась.

Она снова стала осыпать меня бранью. Ну, от слов кости не ломаются, но спустя минуту я рассвирепел. Дамы с такой грязной речью мне еще не попадались. Я встал со стула, схватил подушку и с силой ткнул ей в лицо. Подержал так несколько секунд, а затем убрал.

– Заткнись, – мрачно сказал я, – или я снова кислород тебе перекрою.

Глаза ее были полны ярости, и по тому, как она извивалась, было ясно, что она изо всех сил старается высвободиться. Меня это не волновало. Я знал, как вязать узлы, и если она даже освободит руки, я всегда смогу снова ее отключить. У меня больше не было нежных чувств к этой дамочке. Она была чистой отравой.

Я сел на кровать рядом с ней.

– А теперь мы с тобой немного поболтаем, – сказал я. – Если ты не выложишь мне то, что я хочу знать, сделаешь себе только хуже. Я ведь хотел, чтобы все обошлось тип-топ, но с такой шлюхой, как ты, лучше разобраться по-черному, и я посмотрю, устроит ли тебя это.

– Не стоит, Мейсон, – раздался голос от дверей.

Я быстро оглянулся через плечо.

В дверях стоял Эрл Кац. В руке он держал автоматический пистолет из вороненой стали, ствол которого был направлен прямо на меня.

Глава шестая

Удивление? Да, я был удивлен! Можете битой меня огреть. Какого черта здесь делает этот Кац? Какая у него связь с подружкой Весси?

Я не собирался показывать ему, что он выбил меня первым же шаром. Я улыбнулся ему.

– Все еще лупишь по лузам, приятель? – поинтересовался я. – Кстати, о билльярде, ты слышал про того парня, который забивал красный?..

– Брось это, Мейсон, – сквозь зубы сказал Кац.

Вот что еще я обожаю. Эти парни посмотрели столько крутых фильмов, что теперь просто не могут говорить иначе как сквозь зубы, поскольку считают, что так оно и положено.

– Развяжи ее.

Я покачал головой.

– Ты с ума сошел, – сказал я. – Ты сам не знаешь, что говоришь. Если я ее распугаю, она убьет нас обоих.

Пистолет дернулся вверх.

– Слушай, умник, – сказал Кац, – таким манером ты ничего добьешься. Развяжи эту дамочку, и поскорее.

Экки говорил, что этот парень опасен, как гремучая змея. Посмотрев на него теперь, я подумал, что Экки, возможно, прав. Он больше не выглядел охламоном. В его глазах был холодный, злобный блеск, и я подумал, что он с удовольствием бы меня кокнул. Когда у парня в руке пушка, я не очень-то спорю. Во всяком случае оружие всегда заставляло меня нервничать.

– Перевернись, милашка, – сказал я.

Я не стал дожидаться, когда она освободится от пут. Взгляд, который она бросила на меня, полностью разубедил меня в том, что впереди у нас праздник любви.

Я освободил ей руки и отодвинулся подальше. Решил, что ее соседство мне нравится еще меньше, чем пистолет Каца.

Она села, потирая запястья.

– Дай мне накидку, – хрипло сказала она Кацу.

Не сводя с меня глаз, он снял с вешалки на двери еще одну накидку и бросил ей. Она с трудом натянула ее на себя и встала с кровати. Выглядела она здорово помятой. Кровь из моего носа залила ей плечи, на подбородке была ссадина. На ее руках виднелись следы моих пальцев, а от удара, который я нанес ей в плечо, осталась лиловая отметина.

Она пошла в ванную и закрыла за собой дверь. Я слышал, как зажурчала вода.

– Садись, – сказал Кац, снова дернув пистолетом.

Я сел на кровать.

– Давай ты уберешь пистолет и расслабишься, – сказал я. – У нас с Блонди личное дело... как-нибудь обойдемся без посторонних.

– Ты слишком много болтаешь, – сказал Кац. – Закрой рот. Я буду говорить, а ты просто отвечай... понял?

Я пожал плечами.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он.

Я усмехнулся:

– Легкий вопрос. Что, черт возьми, здесь может делать любой мужчина?

Кац сдвинул шляпу на затылок и прислонился к стене. Он сунул большой и указательный пальцы в карман жилета и достал зубочистку. Затем отправил зубочистку в рот и задумчиво пожевал ее.

– Если не хочешь отвечать как есть, – сказал он, – пеняй на себя.

— Окстись, Кац, — ответил я. — Не на того напал. Я могу сделать так, что этот город покажется тебе адом и придется принимать таблетки.

Кац передвинул зубочистку во рту.

— Ты здесь никто и звать никак, — сказал он. — Может, все-таки поумнеешь и заговоришь? Что ты здесь делаешь?

Дверь ванной открылась, и вышла Блонди. Она хорошо поработала над собой и теперь выглядела гораздо лучше. Ее глаза все еще опасно блестели, она стояла в дверях, наблюдая за нами.

Я пожал плечами.

— Пожалуй, я пойду, — вставая, произнес я.

— Сидеть! — бросил Кац. В его голосе прозвучала угроза.

— Так у нас не прокатит, — сказал я. — Я ухожу.

Кац слегка передвинулся, так что уперся спиной в дверь.

— Лучше не рыпайся, — предупредил он. — Пристрелить тебя еще рано, так что не торопи меня.

— Тебе лучше уйти с дороги, — сказал я.

Этот бандит уже начал меня злить. Я полагал, что он дважды подумает, прежде чем пустит в ход оружие. В конце концов, мы находились на главной улице, и выстрелы были бы слышны.

Возможно, Кац подал Блонди сигнал, а может, она действовала по собственной инициативе. Я не сводил глаз с пистолета, решая, смогу ли прыгнуть на Каца, и на мгновение упустил ее из виду. Ну, я заслужил то, что получил, потому что уже вкусили ее прелестей. Я же говорил, что эта дамочка — отрава. Да, такой она и была.

Что-то твердое и тяжелое ударило меня по голове, и я рухнул на колени. Комната накренилась, и люстра стала вращаться.

Я смутно слышал, как Кац сказал:

— Хватит с него... Я хочу поговорить с этим типом.

Кто-то схватил меня за руки, заломил их за спину, и жесткий холодный ремень впился мне в запястья. Я почувствовал, как меня швырнули на кровать. В голове прояснилось, и я попытался сесть, но из тумана появилась чья-то рука, накрыла мне лицо и толкнула обратно на подушку. Я лежал неподвижно, пока люстра надо мной не оказалась в фокусе, затем осторожно поднял голову и увидел их. Они стояли в изножье кровати, наблюдая за мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.